

Серж Арденн

Наваляев и все-все-все

Книга первая

Посвящается моему другу Александру Ильичу Радиенко.

Каждое изувеченное слово, встречающееся в тексте, не является вымыслом, в своё время оно было подслушано и отловлено, после чего в полном соответствии с оригиналом легло на бумагу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дело, которое человек затевает, как правило, заканчивается либо успехом, либо провалом — потому что так устроен мир и ничего не изменится — до тех пор, пока не высохнет Днепр. Но если в первом случае, когда человеку удастся справиться с тем, что он задумал, индивидуум пускается во всеуслышание, по каждому случаю, трубить о своей гениальности, победе и успехе, в мелочах поясняя каждому встречному, которому это вовсе не интересно, подробности, приведшие триумфатора в лице повествующего к Олимпу. То во втором варианте, когда тот же человек терпит фиаско, он

непрерывно пытается, избегая огласки и любых пояснений, найти виновных в неудаче, всячески стараясь сбросить с себя ответственность за провал. Он не находит себе места, пока не придумает историю, которую вещает окружающим всякий раз, когда речь заходит о том, столь неприятном для оплошавшей особи случае. Люди хитры, алчны, несправедливы, жестоки и это, согласитесь, далеко не полная палитра человеческих пороков. В каждом сидит если не огнедышащий дракон, изобилующий всеми этими далеко не лучшими качествами, то пучеглазое существо, чьи подобные вышеуказанным грехи находятся в зачаточном состоянии, в любую минуту готовые прорасти в мгновение ока, представ во всей своей мерзости. Человек самовлюблен, эгоистичен подверженный пафосу и гедонизму.

Многие из читателей, конечно же, удивятся и не захотят согласиться с нами. С чем мы спорить так же не станем, лишь заметив уважаемому читателю, что и сами относимся к вышеизложенной теории с немалым подозрением. И лучшим подтверждением тому являются записанные нами рассказы о человеке, который своим существованием не позволяет праздным злопыхателям, вроде нас, утверждать нечто подобное вышеизложенному. Впрочем, у вас, любезный читатель, если вы пожелаете углубиться

в суть сего повествования, появится прекрасная возможность убедиться в этом лично и в полной мере.

Рассказ первый СВИДАНИЕ

Когда-то, давным-давно, даже немногим раньше, чем прошлая пятница, существовала великая страна, бытующая в эпоху развитого социализма. Хотя нет, скорее огромная, ведь величие и величина, зачастую вполне разные понятия, посему страна была просто огромная. Называлась эта огромная «Великая страна» также весьма своеобразно, гордо и весело — СССР. Гордо, потому что жители страны называли её с восхищением, угрожающе звеня и цокая языками, будто чеканя юбилейные рубли — эС эС эС эР. Но напускную угрозу произвольно развенчивали дети, подрастающие в «Великой стране», дразня её — Сэ Сэ Сэ Рэ. Ну, и конечно безмозглые иностранцы, свистящие на свой лад и манер — Си Си Пи. И вот эта страна, впрочем, как и многие другие страны, имела своё правительство, а правительство, имело свой народ, а так же флаг, герб, гимн и всё прочее, что можно было отыскать и отыметь на просторах «Великой страны». В таких вот условиях, рука об руку, правительство вместе с

народом топтались вперед, как им казалось, в направлении великой цели — коммунизм! Но в Библии сказано — «оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». (От Матфея 15:14) Что лишний раз напоминало, убеждало и доказывало тем, кто не пробовал, что путь к коммунизму был нелегок и безрезультатен. А то, как же! Всегда непросто идти к тому, чего не существует. Ведь мираж недостижим, а путь к нему утомителен и напрасен, как устремления к линии горизонта или усилия неугомонного Сизифа.

Именно в этой стране и в это время мог жить тот, о ком мы хотели бы рассказать нашему любезному читателю. Тот, благодаря кому мы сможем раскрыть цепь случайностей, начинающуюся и заканчивающуюся на нашем герое — гражданине и товарище Наваляеве.

В один из солнечных, весенних деньков, из парадного подъезда дома № 17 по улице Степана Халтурина (улице по какой-то нелепой случайности названной именем революционера, террориста-народника, не имевшего ни к Киеву, ни к бывшей улице Паньковской ни малейшего отношения) вышел человек. Его вид был весьма не примечателен, на первый взгляд, если не присмотреться поподробнее, тем более не узнать

его поближе. Каллистрату Ипполитовичу Наваляеву, младшему бухгалтеру самого образцово-показательного ЖЭКа Ленинского района города Киева, осенью 23 октября исполнилось тридцать четыре, именно в тот самый день, когда обгаренная кровью Венгерская революция была доблестно подавлена советскими танками. В этом возрасте о мужчинах говорят — «в полном расцвете сил», но ни сил, ни, тем более, их расцвета у товарища Наваляева не наблюдалось. Невысокого роста; с животиком, отвисающим «рюкзачком», под дряблой, заплывшей жирком грудью; с узкими, не выдавшими даже щадящей утренней зарядки плечами, его нестройный силуэт выглядел гораздо старше паспортных данных Каллистрата Ипполитовича. Вся эта упомянутая выше роскошь громоздилась на коротеньких, толстеньких ножках, весьма пригодных для ходьбы и совершенно не предусмотренных для бега. Сутулый, отмеченный давним сколиозом, торс венчала большая, давно начавшая лысеть, голова товарища Наваляева, сколь светлая, столь малопригодная для жизни. Оттопыренные мясистые уши лишь подчеркивали стройность черепа, сего, по меньшей мере, странного человека, или как его называли на работе — «дефективного знатока».

Костюм на Каллистрате Ипполитовиче так же не отличался ничем примечательным, разве только

довольно старомодным покроем и не соответствующим нашему герою размером. Говоря другими словами, он был катастрофически стар и безнадежно мал, по весьма простой причине — покойный папа младшего бухгалтера, Навалаяев-отец, носил вещи крайне аккуратно и был значительно ниже ростом Навалаяева-сына, что, на наш взгляд, вполне объясняет несовпадение платья с содержимым. «Но не вещь красит человека, а содержание сберегательной книжки», «К тому, же шикарный костюм, это ж английская шерсть, мы ж пошили его твоему папе на день защиты диссертации, отчего впоследствии, он, у папы, вызывал нехорошее настроение, и именно поэтому Ипполит Робертович его редко носил...» сии простые истины любила повторять Навалаяева-мать, трепетно разглаживая на сыне складки воспоминаний. Двубортное безобразие, непонятого и малоприятного цвета, являлось бесчинством, учиненным вполне посредственным портным, сумевшим не просто подчеркнуть неудачную фигуру Навалаяева-отца, но и распространить сие проклятие на сына.

Итак, застегнутый пиджак не скрывал пуговиц гульфика, вызывающе виднеющихся меж пол, но не несших ни смысловой нагрузки, ни внешней угрозы. Штанины зауженных, довольно просторных брюк, не касались носков сандалий, не

доставая до них около десяти сантиметров, будто для того, чтобы продемонстрировать незамысловатый узор синтетических оранжево-синих носков. Глядя на брюки, хотелось убрать излишки ткани с бедер и дотачать ею штанины, но всё это бесследно исчезало, попросту теряло смысл после знакомства с вполне выдающимся обладателем сего ветхого наряда.

Не было другой столь добродушной, скромной и безобидной натуры во всем комплексе, обеспечивающим функционирование инженерной инфраструктуры различных зданий города Киева, а также создающей удобства и комфортабельность проживания в них граждан, путем предоставления им широкого спектра услуг. Или, другими словами, причём словами непосредственного руководителя Наваляева, зам. начальника ЖЭКа, исчадия жилищно-коммунального хозяйства, Зинаиды Потаповны Неешкаши, — «Нет другого такого дурака, в ЖКХ, как наш Каллистратка»

Оказавшись на улице, младший бухгалтер прищурился от солнечных лучей, растянув губы в несменной глуповатой улыбке, приподнимавшей к маленьким круглым глазкам, его пухлые, тщательно выбритые щечки. Зажав под мышкой старенький потертый портфельчик, он многозначительно поправил галстук кис-кис, ярко-фиолетового цвета в белый горошек, надел

фетровую шляпу и направился вверх по улице, на грохот трамвая восьмерки, катящегося с горы, по Льва Толстого на «Соломенку», вдоль забора Ботанического сада. Свернув на Никольско-Ботаническую, наш герой вскоре добрался до улицы Тарасовской, где в девятом номере, в величественном доме, стоящем по сей день в угрюмом запустении, построенном в виде колодца, с двумя арками, обитал его дядя по материнской линии — Радион Аполлинарьевич Навозов-Сухоплотский. Устремившись в гору, он миновал седьмой номер, за железными воротами которого базировалась «странноватая» воинская часть; корпус института имени Микояна; пожарное депо № 4, прибыв, наконец, во двор дома № 2, где и находилась одна из Жилищно-Эксплуатационных контор Ленинского района города Киева, имевшая неосторожность, однажды, принять в свои дружные ряды младшего бухгалтера Наваляева.

Каллистрат Ипполитович, грешивший порядочностью с налетом интеллигентности, включавшей в себя пунктуальность, впрочем, качествами не просто бесполезными, но порой и призраемыми, прибыл на рабочее место на четверть часа ранее положенного. Усевшись за своим громоздким столом, он воровато спрятал в шухляду букетик ландышей и, натянув нарукавники, занялся работой. Наваляев

пододвинул большие деревянные счеты, счетную машинку «Феликс», достал толстую папку из ящика стола, откинул картонную обложку и, нагнув палец, принялся листать желтоватые страницы. Ровные столбики цифр, выстроившихся в торжественном порядке на бумаге и как обычно радующие младшего бухгалтера, сегодня не приносили ему ни малейшего удовольствия. Он ерзал на стуле, вытирал клетчатым платком лоб и затылок, косясь, поглядывая на дверь. Ждать пришлось недолго, в кабинет, где кроме наваляевского стояло ещё три пустовавших стола, дожидаясь, словно рысаки своих наездников, вошла женщина, в которой Калистрат Ипполитович тут же узнал рубенсовских «Спящую Анжелику» и «Венеру перед зеркалом», словно сошедших с полотен прямо сюда, в прокуренную пыльную жековскую комнатушку. Вошедшая, таившая пышные формы под синим хлопчатобумажным халатом, гремя пустым ведром, остановилась на пороге, опершись на старую швабру.

— Я новая уборщица, меня зовут Грета Адольфовна Раукобир¹ - она улыбнулась, от чего Наваляев восторженно икнул. Для него не была секретом ни должность, ни имя, ни фамилия новой

---

¹ (нем.) копченое пиво

работницы, он всё это выяснил в отделе кадров, после того как узрел златовласую Нимфу с берегов Балтийского моря, моющую пол в длинном лабиринте коммунальных коридоров. После встречи со столь изумительной особой, в душе многих мужчин звучат чарующие мелодии сказочных флейт и лютней, в наваляевской же лопнул барабан. Это случилось с ним впервые, если не считать случая в школе, когда третьеклассник Каллистрат Наваляев помог девочке, подвернувшей ногу, отнести домой портфель. Наваляев не вызывал интереса у женщин и, говоря по правде, отвечал им взаимностью. Но Гретхен, каким-то особым образом вошла в его жизнь, незаметно, будто через черный ход, озарив его душу неугасающим пламенем любви. Если так можно назвать то чувство, которое вызвало у Каллистрата Ипполитовича зуд в пятках и острое беспокойное опасение — «А, что же скажет мама?»).

— Вкусная у вас фамилия, — стыдливо произнес он.

— А вы знаете немецкий?

— Не то, чтобы, но Гёте читал в оригинале.

Она с интересом окинула взглядом неловкую фигуру Наваляева.

— Совсем неплохо для человека закончившего среднюю школу, или я ошибаюсь?

— Нет, то есть вы совершенно правы, я

учился в институте, но потом с отличием не защитил диплом, а в школе я учил французский, поэтому предпочитаю Мольера.

Он застенчиво потупил взор.

— А кем простите, вы здесь работаете?

— Я служу младшим бухгалтером.

— Да, призрачны ваши перспективы. Человеку, владеющему немецким и французским, в сфере Жилищного хозяйства никогда не подняться выше счетовода. Вы должно быть презираемы сослуживцами?

Наваляев пожал плечами.

— Ну, что же вы загрузили, милый рыцарь, представьтесь даме.

— Вы ошиблись, милый рыцарь — это я! — послышался голос из-за спины уборщицы.

Перед Гретой Адолфовной предстал рослый щеголь лет сорока.

— Прошу любить и жаловать, Ланцелот Артурович Озерный, в прошлом рыцарь без страха и упрека, в данный момент начальник бригады сантехников, имею дело с озерами воды иногда дерьма, хотя предпочитаю воду.

Отрекомендовавшись, шустрый сантехник, подмигнув, впился губами в руку прекрасной дамы.

— Что вы делаете, я же только сейчас туалеты мыла! — вырвав руку, возмутилась Гретхен.

— Прошу простить...прошу оставить

незамеченным...

Отплевываясь, протараторил Ланцелот Артурович.

— Что тут, так скязять, за безобразие?!

Послышался скрипучий голос инженера по охране труда Сигизмунда Лазаревича Глистоморова.

— Вы, что здесь, так скязять, за безобразие, так скязять, устроили? Работать, так скязять, пора, а вы, так скязять, хихикаете! Негоже, так скязять, не по форме, не порядок, так скязять.

В комнату вошел невысокий тощий, плюгавый, с желчным лицом человек, в мятой шляпе и потертом пиджаке, надетом на фланелевый жилет. Иссатавшийся ворот его клетчатой рубахи, застегнутой на все пуговицы, не облегал тонкой морщинистой длинной шеи, отчего казалось, что голова вставлена в костюм, висящий на вешалке, «плечиках» для одежды, где отсутствовало тело.

В облаке дыма, поскрипывая начищенными хромовыми сапогами, появился инженер по гражданской обороне, отставной подполковник Вертопрахов Антон Кузьмич, чьё непрерывное курение являлось причиной заселения столь разношерстной компании в один общий, по меркам того времени, просторный кабинет. С товарищем подполковником в одном помещении не мог находиться некурящий мужчина, не говоря уже о

женщинах, поэтому его поместили в одну комнату с ловеласом Озерным, дымившим душистым «Булгартабаком», и занудой Глистоморовым, курящим трубку «носогрейку» с особо вонючим самосадом, Навалаяев же не в счет. Каллистрат Ипполитович не просто не курил, он не переносил сигаретного дыма, но спрашивать его мнения, тем более согласия было не принято в дружном коллективе ЖЭКа № 105.

— А ну-ка, барышня, покиньте плац, мужчинам необходимо обменяться рапортами о матче Динамо — Торпедо! — скомандовал Вертопрахов, даже не взглянув на удаляющуюся уборщицу.

Обсуждение футбольного праздника, овеванное табачными дымами, быстро наскучило равнодушному к спортивным достижениям родной страны Навалаяеву, к тому же в чертоги его интересов вторглась nereida балтийских волн, которую он не терял надежды лицезреть как можно чаще. Каллистрат Ипполитович не понимал, чего именно он хочет от Греты Адольфовны, его нерешительность была вездесуща, всеобъемлюща и даже в грезах заставляла Навалаяева стыдливо пятиться, лишая возможности мечтать. Стянув нарукавники, он, как обычно незамеченный, выскользнул в коридор. В полумраке ЖЭКовсего лабиринта он заметил некогда стройные очертания

возмутительницы собственного покоя, и юркнул в распахнутую дверь туалета. Прислонившись к стене, покрытой облупившимся кафелем, он затаил дыхание, упиваясь сладостными звуками швабры, елозящей по дощатому полу.

В этот момент, изогнувшаяся над равниной пола, новоиспеченная уборщица почувствовала прикосновение чьей-то ладони, хлопок, потрясший мягкие ткани низа её спины.

— Так это вы наша новая уборщица, что прибыла в город-герой Киев из далекого Калининграда?

Грета Адольфовна, выронив швабру, мгновенно выпрямилась, будто от укуса змеи, вследствие чего её светлые волосы, выбившиеся из под цветастой косынки, закрыли большие серые глаза. Вытерев о халат руки, она убрала непослушный локон, с интересом глядя на толстяка, столь бесцеремонно поприветствовавшего новую подчиненную.

— А я Юхим Остапович Какун, начальник ЖЭКа, а стало быть, ваш непосредственный руководитель.

В результате предпринимаемых отчаянных попыток укрыть от назойливого взгляда обнажившиеся колени, грудь Греты заколыхалась, словно холодец на шатком столе, что лишь усилило интерес начальника. Его маленькие, красные от

регулярного пьянства, глазки, ощупали пышные формы блюстительницы чистоты.

— Стало быть, из Калининграда..., - наставнически произнес он, раздевая взглядом аппетитную дамочку.

— ...а знаете ли вы милочка, что город Калининград назван в честь дедушки Калинина Михал Иваныча, «всесоюзного старосты»?

Не без тени превосходства спросил Какун, как бы предлагая безграмотной уборщице продолжить разговор о истории её родного края в более интимной обстановке. Неожиданно, Грета Адольфовна приняла горделивую позу и иронично произнесла:

— Если вы заговорили о Калининграде, столице Восточной Пруссии, называвшейся до 1255 года — Твангсте, а впоследствии, до 4 июля 1946 года, Кёнингсбергом, то вряд ли вы сможете сообщить мне, что-то новое.

Словно бритвой полоснула она по самонадеянности Юхима Остаповича.

— К тому же я прибыла не из Калининграда, а из Советска, к вашему сведению, бывшего Тильзита, города, где посреди реки Неман, в 1807 году, в шатре, на плоту, был заключен мирный договор меж Наполеоном и Александром Первым после войны четвертой коалиции. Вас интересуют подробности или может быть ключевые вопросы

обсуждаемые императорами?

И без того красные глазки начальника налились кровью, превратившись в две спелые вишни.

— Вы, гражданка, не забываетесь! Какая там ещё Пруссия?! Какой император?!

Кровь ударила в лицо засевшему в засаде младшему бухгалтеру. Уразумев, что в воздухе запахло скандалом, он, подавляя страх, казалось даже зажмурившись, бросился, словно в последний бой, на амбразуру вражеского дота.

— Я великодушно прошу простить меня, Остап Юхимович, но дело действительно обстоит таким образом, что комментарии глубокоуважаемой Греты Адольфовны имеют место быть,...а также они запечатлены в анналах мировой истории, в чём я имел честь не раз убедиться лично...

Какун окинул ничтожного счетовода испепеляющим взглядом.

— А это ещё, что тут за недоразумение объявилось?! Вам Навалаяев больше нечем заняться, как подслушивать по туалетам?! А ну-ка отправляйтесь на рабочее место!

У Навалаяева подогнулись ноги, вспотели ладони, а на лбу выступили крупные капли пота, он едва не потерял сознания.

Оценив мужество внезапно появившегося

заступника, Грета не смогла позволить себе смолчать, бросив на растерзание «какуну-секачу» беззащитное существо.

— А почему это вы позволяете в таком тоне разговаривать с подчиненными?! У нас не рабовладельческий строй! Кто парторг в вашем ЖКХ?

Беспокойно оглядевшись по сторонам, Какун быстрым шагом, местами легкомысленно переходя в разухабистый полуестественный аллюр, забывая об обострившемся артрите, ринулся к двери в собственную приемную.

В пространстве полутемного коридора повисло неловкое молчание. Желая провалиться сквозь землю, упрятав туда же своё изрядно покореженное достоинство, Наваляев не решался поднять глаз на бесстрашную уборщицу.

— Ну, что вы, Каллистрат Ипполитович, не расстраивайтесь...

— И не подумую!

Неожиданно твердо произнес Наваляев, из всех сил пытаясь выкарабкаться из предобморочного состояния.

— Я напротив, имею честь просить вас о снисхождении...ну как бы...разрешения проводить вас домой, по окончании трудового дня?

В восемнадцать ноль-ноль, в час, когда все

ЖЭКовские работники, словно обитатели разворошенного муравейника, начинают беспорядочно сновать по коммунальным лабиринтам, кто в поисках компании, сулящей праздных развлечений в обществе бутылки портвейна «три топора»; а кто спешит собрать информацию о незримом изобилии продуктов, плодов гастрономической и мясомолочной промышленности «развитого социализма» в близлежащих магазинах, Наваляев выпорхнул во двор, аккуратно уложив в портфель, букетик ландышей. Его неловкий силуэт, переминаясь на плоскостопых ногах, вырос на рубеже, под окнами родного предприятия, в ожидании, словно спринтер выстрела стартового пистолета.

Подполковник Вертопрахов Антон Кузьмич, как обычно, с показной секретностью, уложил в несгораемый шкаф несколько папок с бесполезной документацией и многозначительно, пожевывая папиросу, произнес:

— Ну, что, товарищи офицеры, аванс обозрим, но на сегодня недосыгаем, поэтому предлагаю «Слезы Мичурина», по безденежью, пару пузырей, и в «Ботанику», на лоны природы?

— Я, так скязять, не вижу препятствий, чтоб не выпить, так скязять.

Ударив в ладоши, с запалом поддержал Глистоморов. Оба инженера вопросительно

установились на глазающего в окно Озерного, единственного претендента, который имел возможность не нарушить классическое количество участников при распитии горячительных напитков. Лицо Ланцелота Артуровича омрачили тревожные подозрения, он, не отрываясь, следил за Наваляевым, вручающим улыбающейся Гретхен, завядший букетик.

— А он ходок... а с виду и не скажешь.

Беззвучно прошептал бригадир сантехников.

— Не понял?

Сдвинув брови, рявкнул Вертопрахов заподозрив предательство.

— Вы батенька, так скязять, участвуете в безобразии, так скязять?

— С удовольствием!

Улыбнувшись, ответил Озерный, достав из кармана пачку «Опала».

— Перекурим, и через дорогу, напротив «пожарки», там и возьмем.

Голоса Вертопрахова и Глистоморова уже стихли в глуши коридора, когда суровый взгляд бригадира уперся в угол над собственным столом, пестривший картинками из заграничных журналов.

На облупившейся ядовито-зеленой стене висел гляцевый листок, где по рыжей земле Гранд-Каньона, поднимая столбы пыли, мчал табун разномастных мустангов, перегоняемых лихими

парнями в широкополых шляпах, вросших в седла взмыленных скакунов. Он сурово смотрел на холеного плечистого атлета-ковбоя в красной рубашке, курящего исключительно сигареты «Мальборо» и внутренне интуитивно ненавидел его, этого капиталистического прихвостня, имеющего наглость наслаждаться чуждым, презренным, но столь желанным для советского курильщика, американским табаком. В виде протеста, он неспешно, прямо перед фотосуперменом размял папиросу «Казбек», одолженную у Вертопрахова, так как свои закончились — заломил её, и, вальяжно направившись в курилку, прошипел на ходу:

— Ничего, ещё посмотрим, чья возьмет!

В это время, наслаждаясь ароматом завядших ландышей, Грета Адольфовна, в сопровождении семенящего то с одной, то с другой стороны Наваляева, миновала колоннаду ворот Ботанического сада.

— А где вы живете, Каллистрат Ипполитович?

— Я живу здесь неподалеку, на улице Степана Халтурина, право слово, это изумительное место, здесь обитали известнейшие люди, знаменитые не только в нашем городе, но и во всем мире. Здесь когда-то замечательный Карл Христианин,

известный впоследствии тем, что разбил сквер перед нашим красным университетом, нынешний Шевченковский парк, устроил садоводство. Здесь имели удовольствие жить такие господа, как Михаил Драгоманов, Иосиф Ясинский, в трехэтажном доме № 9 проживала семья Грушевских. Здесь творили художник и архитектор Василий Кричевский, писатель и издатель Юрий Тищенко, поэт Александр Олесь. Еще гимназистом проживал на Паньковской, в восьмом номере, Максим Рыльский; а в десятом, как раз напротив моего дома, мировая величина — историк Евгений Тарле. Здесь, если угодно знать, на углу Никольско-Ботанической готовились материалы к первому журналу по философии в Российской империи — «Философский трехмесячник», изданный на деньги профессора университета Александра Козлова. И это далеко не весь перечень интереснейших фактов, связанных с улицей Паньковской.

— Паньковской?

— Да, так улица называлась до лета 1939 года, потом её переименовали и, на мой субъективный взгляд, вполне неудачно.

Рассыпаясь бисером исторических фактов, связанных со славным Киевом, Владимирским собором, который напомнил о себе медным набатом, о Фундуклеевской — улице Ленина, о

Бибиковском бульваре, а ныне бульваре Шевченко, они дошли до метро «Университет».

— Так я вас провожу?

— Но я живу на Нивках, а это не близко.

— Это не имеет никакого значения! Я же мужчина.

Странная улыбка скользнула по губам женщины.

— Я вижу, — как-то совсем обреченно произнесла она.

— Ну, что ж, поедemте, если вы настаиваете.

По ступеням эскалатора, они спустились в чрево киевского метрополитена. Шум вагонов летящих по темному туннелю, не позволял продолжить разговора. Наконец они вышли на станции «Нивки», где сели в двадцать шестой троллейбус. Через довольно продолжительное время за лобовым стеклом показалась Интернациональная площадь.

— Выходим, — коротко бросила Гретхен задумавшемуся о чём-то Наваляеву.

Автоматические двери растворились с неприятным лязгом. Он бережно подал ей руку, наблюдая за тем, как женщина преодолевает пространство меж троллейбусной подножкой и тротуарной бровкой.

— А сколько вам лет, Каллистрат Ипполитович?